

© 2008 г.

С.И. ГОЛОД

**СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И
ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ**

*ГОЛОД Сергей Исаевич – доктор философских наук, профессор
социологического факультета Санкт-Петербургского университета.*

Начиная с 1960-х годов, исследователи во многих странах мира выражают обеспокоенность кризисным состоянием моногамии, ставя это явление в прямую зависимость от глобальных социальных трансформаций*.

Трудно согласиться с негативной оценкой современного статуса семьи не только филистерами, но и социологами, демографами и психологами. Между тем, институт семьи – о чем свидетельствует его многовековая история (подтвержденная изысканиями от Л. Моргана, Ф. Энгельса и Ф. Ле Пле до У. Гуда, Р. Хилла, Л. Русселя, С. Каценбогена и А. Харчева) – оказался наиболее стабильной общностью.

На протяжении всего минувшего века в научной литературе ссылаются на одни и те же социальные факторы, лежащие на поверхности: увеличивается число одиноких мужчин и женщин, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше «неполных» семей, нарастает количество «повторных» браков, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака и т.п. В справедливости этих тенденций невозможно усомниться: в их пользу более чем столетняя

* Данная работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Трансформация российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и экспериментальное моделирование процессов» № 07-06-00-271.

статистика [1]. И все же количественные ряды, сколь бы внушительными они ни были, фиксируют лишь данность, не объясняя глубинных социальных преобразований. Очевидно, отсюда, опираясь на тождественные показатели, к примеру, рождаемости или «последовательной полигамии», так назвал этот феномен американский социолог П. Лэндис, одни специалисты интерпретируют их как кризис моногамии [2]; другие – как ее трансформацию в сторону акцентирования личностного своеобразия каждого из членов этого союза, т.е. отстаивают идею модернизации института семьи [3].

Безвозвратная утрата семьей ее прошлого. Яркий образчик первой позиции – недопонимание имманентных закономерностей трансформации моногамии – «круглый стол», организованный редколлегией журнала «Социологические исследования» [4]. Там собрался, согласно словам ведущего профессора МГУ А.И. Антонова, – узкий круг единомышленников, который декларирует «кризис семьи и депопуляцию как острейшую проблему современности». Более того, по убеждению того же оратора, «новая демографическая ситуация превращает родительство в главную «профессию» страны». Надо признать, в этой негативистской атмосфере нашелся один трезвый голос – В.И. Переведенцева, впрочем, непонятно, как он сюда попал, – который констатировал следующее: «<...> в довоенной России (имеется в виду Вторая мировая война – С.Г.) люди считали, что они живут ради детей, ради того, чтобы их было больше, чтобы дети жили лучше, чем они сами. Это все исчезло. Исчезла старая патриархальная семья, одним из главных признаков которой была многодетность. Возникла новая, один из главных признаков которой – малодетность». Кстати, автор, вольно или невольно, по-своему воспроизвел положение английского философа Б.Рассела, сформулированное им еще в конце 1920-х годов в знаменитой книге «Брак и мораль», которая спустя более трех десятилетий была по достоинству оценена Нобелевским комитетом В ней мы читаем: « <...>

Патриархальная семья все еще сохраняет большое значение, хотя сомнительно, что так будет продолжаться долго». И другой пассаж, дополняющий и развивающий первый: <...> если муж и жена хотят, чтобы их брак оставался счастливым, чтобы он был общественно полезным, романтическая любовь должна исчезнуть, чтобы дать место *интимному*, более *нежному* и более *реальному* чувству» [5] (курсив С.Г.).

А.И. Антонов и в дальнейшем продолжает настаивать на своих принципах. Так, в более позднем труде он замечает буквально следующее: «Женщина не вписывается в технологический процесс, мешает ему, прерывает его своими декретными циклами, ломает ритм производства, которые следует в свою очередь адаптировать к женской природе <...> Только выделение семьи и работы в самостоятельные сферы гендерного разделения труда позволяет сохранить общечеловеческие ценности, а также и семью в индустриальную эру» [6]. Итак, по мнению автора: профессиональная работа женщин не объективный процесс, а просто субъективное «выманивание» мужчинами женщин из семьи. Хотя ни для кого не секрет, что работа замужних женщин вне дома, что было убедительно в свое время показано У. Гудом – это результат промышленной индустриализации XIX века и урбанизации XX столетия.

Женщина в мужском отражении. Все изменения, которые так или иначе претерпела патриархальная семья (пропитанная мачистским духом), думающие специалисты связывают с нравственными преобразованиями, обусловленными в первую очередь широким женским эмансипаторским движением, охватившим большинство индустриальных стран. Правда, оценивать намерения и результаты феминисток следует с осторожностью. Я, в частности, разделяю позицию двух современных философов – Ж.-П. Сартра и А. Лосева. Первый из них отмечал: «Вплоть до XIX века евреи, как и женщины, были лишены самостоятельности, и участвовать в политической и общественной жизни и они, и женщины начали недавно» [7]. Говоря по-

другому, открывшаяся возможность равновероятного овладения всем веером социальных ролей не привела к утрате «полового лица», но способствовала индивидуализации как мужчин, так и женщин. Именно последняя подпитывает движение женщин за мифическое равенство полов. Сартру в принципе вторит А. Лосев: «Иным непонятно, что половые члены есть нечто совершенно не сравнимое с прочими членами, в сущности, это ясно всякому точно так же, как и то, что евреи совершенно ни с чем не сравнимая нация и женщина не сравнимое с мужчиной существо, хотя просветительский либерализм и долбит свой вырожденческий миф о всеобщем равенстве и равноправии» [8]. Задумаемся: случайно ли два далеких по мировосприятию философа сравнивают положение женщин с нацией, которая на протяжении нескольких тысячелетий не имела самостоятельной территории и государственности и потому была вынуждена перманентно доказывать миру свое право на непохожесть.

Переход женщин от подчиненного положения к равноправному [9], изначально предполагал обязательную мимикрию: мало «победить» мужчин, надо сделать это на их территории, признать единственно верными используемые ими методы. Поскольку «мужское» остается эталоном, критерием «человеческого», то приходится признать, что законы, установленные мужчинами по сей день в силе, значит, неубедительны жалобы на падение нравов, всеобщее растление, развал семьи. Что же изменилось за последние два-три десятилетия?

Прежде всего, покончено с терпеливым отношением женщин к насилию, страданию, скуке, покончено и с безропотностью жен, стойчески сносивших побои гневных мужчин [10], наконец, покончено с культом односторонней верности, вынуждавшим девушку всю жизнь отдавать себя одному-единственному мужчине. Здесь нельзя не вспомнить слова Плутарха, изящно и проникновенно подметившего положение женщины в классической патриархальной семье, которую Льюис Морган назвал «переходным» типом

от полигамной формы к моногамной. Однажды, согласно Плутарху, кто-то спросил молодую спартанку, приходилось ли ей спать с мужчиной. «О нет! – ответила она. – Это ему со мной приходилось». «Именно так, – продолжил древнегреческий историк, – я считаю, должна вести себя замужняя женщина: не уклоняться, не выражать недовольства, когда муж затевает нечто подобное, ибо это говорит о высокомерии и холодности, но и самой не напрашиваться, ибо так поступают только распутницы» [11].

Вернемся к феминизму. Он всегда складывался из двух компонентов – компонента освободительного, антиавторитарного и компонента сектантского, замешанного на озлоблении и женском шовинизме. Реалистическое женское движение, без всякого сомнения, должно выступать не с позиций реванша, а с позиций права; вопреки этому некоторые активистки эмансипаторского движения требуют не столько равноправия, сколько «льготных условий», их претензии не удовлетворить ничем и никогда: малейший шаг назад тотчас оказывается на совести «обладателей фаллоса». Этого монстра надо представить грозным и смешным, одновременно свирепым, но трепещущим перед малейшим протестом, колоссом на глиняных ногах, опасным своей силой столь же, сколь и слабостью.

На самом же деле решение проблемы в том, что каждый из полов – *иной*, проще говоря, мужчины и женщины должны быть *инаковыми*.

Антонов А.И. и Сорокин С.А. доводят, со своей стороны, смысл феминизма до абсурда. Не может не поражать Антонов А.И., который в недалеком прошлом был большим последователем Ф. Энгельса [12], а в настоящее время «вдруг» преобразился [13]. В книге, написанной совместно с С.А. Сорокиным, он замечает: «Нашим российским феминисткам негоже делать вид, что наш феминизм особый – нет, с той же самой бородой отца женского коммунизма – Фридриха Энгельса <...> Разделение единого человека на два пола не бессмысленно, если оно биологически целесообразно

для выживания <...> В определенный период жизни, если бы все особи были заняты рождением, им было бы трудно сохраниться. Поэтому один пол специализирован на контактах с внешним миром больше, чем другой. Иметь одинаковое поведение абсурдно, тогда незачем было разделяться» [14].

Зарождение нового статуса семьи. Иная – относительно Антонова и других – точка зрения по поводу трансформации семьи, прокреации и сексуальности отстаивается рядом зарубежных и отечественных исследователей. «Столь презируемая пригородная американская семья (нуклеарная – С.Г.), – замечает американский социолог Ф. Фукуяма, – пятидесятых годов была на самом деле сосредоточением моральной жизни, потому что американцы, не желая бороться, жертвовать собой или терпеть трудности ради своей страны или великого международного дела, часто готовы на это ради своих детей <...> Многие проблемы современной американской семьи – высокий процент разводов, отсутствие родительского авторитета, отчуждение детей и т.д. – возникают именно из того факта, что отношение семьи к своим членам строится на строго либеральной почве» [14]. Принципиально те же тенденции, но в более конкретном виде, подмечены и немецким социологом Ульрихом Беком: «<...> если в 50-е и 60-е годы на вопрос: «Какую цель Вы преследуете в жизни?» – люди четко и ясно отвечали в категориях «счастливой семейной жизни»: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, то к началу 90-х годов многие заговорили на другом языке – по необходимости неопределенном – о «самоосуществлении», «поисках идентичности», «развитии личных способностей» [15].

Здесь затронут «пучок» проблем, связанных с темами семьи, брака, гендера, прокреации и сексуальности. Проанализируем их более подробно, опираясь на материалы, собранные в России в течение последних примерно пятидесяти лет.

Еще в конце 1960-х годов профессор ЛГУ В.Т. Лисовский «засек», скорее неосознанно, начало изменений, происходящих с семьей в нашей стране. Он выяснял «жизненные планы ленинградской молодежи (ЖПМ)», при этом установил в числе прочих «встретить любимого человека (boy/girl friend): среди девушек таких оказалось 40,4% из общего числа опрошенных, среди юношей – 38,9% и «создать семью», соответственно 31,4 и 29,7%. Сопоставление двух ориентаций показало, что встретить любимого/любимую и создать семью для одних и тех же респондентов – события не тождественные. Еще рельефнее эти различия выступают при сопоставлении первостепенных (по важности для человека) планов: 72,9% молодых людей (независимо от пола) поставили на первое место «встретить любимого(ую) и только 38,9% – создать семью» [16]. Значит, уже в то время юноши и девушки не видели в каждом *партнере* будущего супруга/супруги, любовные отношения могли привести к заключению брака, *но они ценны и сами по себе*.

Как пишет П. Штомка, «наследие предыдущей практики создает поле возможностей (для субъекта, структуры, среды), в котором разворачивается последующая практика. Оно всегда ограничено, но никогда не лишено возможности выбора» [17].

Несомненное продолжение указанной тенденции зафиксировано в результате пилотажного обследования проведенного группой демографов в Тверской области в начале XXI столетия. Они, говоря в современных понятиях, зафиксировали в молодежных практиках автономию сексуальности от института брака. «Свыше половины участвовавших в обследовании, – отмечают специалисты, – в возрасте до 25 лет полагают, что перед регистрацией первого брака надо пожить вместе («пожить вместе», конечно, демографический эвфемизм) год-два и проверить свои чувства». И далее следует еще более прозрачное указание на возрастную специфику: «Еще либеральнее, по сравнению со взрослыми респондентами, к срокам

регистрации брака относятся подростки. Только 13,9% тверских юношей и девушек считают, что регистрация брака должна предшествовать началу супружеских отношений (т.е. говоря точнее: сексуальным взаимоотношениям – С.Г.). Большинство же подростков (61,6%) считают, что перед регистрацией первого брака надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства» [18].

Мне пришлось, наряду с несколькими другими исследователями, дать интервью журналу «Glamour» (май, 2006, с.54–68). Я, в частности, пытался объяснить читательницам этого издания, в чем суть «сексуальной революции» конца 1960-х годов в западных странах, и как она в конце концов отразилась на нравах в нашей стране. Это интервью было сопровождено опросом на разнохарактерную тему, но так или иначе касающуюся института брака. Всего в нем приняли участие 2,5 тысячи читательниц (на сайте www.glamour.ru) в возрасте от 18 до 35 лет. При откровенной нерепрезентативности полученного эмпирического материала, он все же отразил реальное изменение моральных взглядов на брак и эротику у молодых женщин. Вот лишь некоторые свидетельства, заставляющие по-новому взглянуть на проблему ценности замужества и ее связи с репродуктивной практикой. Так, на вопрос «Хотите ли Вы выйти замуж?» получены следующие ответы: 45,6% – «считают, что кольцо на пальце не имеет значения»; 40% – «предпочитают карьеру ЗАГС'у»; 14% – «ждут первого шага от партнера»; 0,4% – «считают замужество главной целью жизни».

Надо, разумеется, иметь в виду специфику читательской аудитории «Гламуре». Но даже с учетом этого обстоятельства, мы столкнулись с многообразием женских принципов и желаний: с выбором между ценностями «традиционного» («патриархально» окрашенного) поведения – цель сексуальных отношений по преимуществу связана с семейным миром, его потребностями, с акцентом «на женском счастье и любви»; с другой

стороны, с индивидуальным волеизъявлением, подспудно противопоставляемым всему «мелкому», и «пошлomu» (если так можно выразиться о браке), с исключительной концентрацией на своей индивидуальности и эротизме. И в самом деле, лишь 0,4% считают замужество (читай, деторождение) главной целью жизни и еще 14% ждут первого шага от «господина» и его желания иметь наследника, тогда как почти каждая вторая женщина предпочитает, по меньшей мере, до поры до времени карьеру ЗАГСу.

Замужество как жизненная цель – имеет значение для минимального числа российских молодых женщин начала XXI века. (В этом смысле они ни в чем не отличаются от молодых европейек) [19]. И плюс небольшая часть респонденток стоит на традиционных викторианских позициях – ждут первого шага от «сильного пола». Можно без обиняков констатировать: для большей части женщин, активных читательниц журнала «Glamour», брак перестал быть нормой бытия. (В конце XIX столетия в России насчитывалось всего 4% мужчин и 5% женщин, которые в течение жизни ни разу не были женаты или замужем. Значит, для этого периода брак был нормальным явлением.)

И прочие вопросы в целом «работают» на тот же принцип – внушить женщине ее равноправность, независимость и самооценность. Даже порой вопреки ее специфичности и особенностей, т.е. принципиально *другой*.

Следующий вопрос был поставлен так: «Изменяли ли Вы своему партнеру?» Признаюсь, вопрос в лучшем случае некорректный. В каком смысле «изменяли»? Речь, по-видимому, идет о прелюбодеянии? Более половины опрошенных ответили на него отрицательно, 40% поклялись, что делали это «разок» и только 4% признались, что «занимаются этим постоянно». Последний ответ свидетельствует о том, что для части (и незначительной) современной женской молодежи такой сценарий оказался вполне приемлемым [20].

Секс для читателей «Гламур» превратился в площадку для поиска «дружеских» услуг (в моей классификации – в «рекреационные отношения») [21]. На откровенный вопрос: «Через какое время после знакомства Вы готовы переспать с мужчиной?» – вот весьма «убогая» шкала ответов: самая представительная и интеллектуальная – 64% «поступаю по ситуации». Три другие расположены в нескольких шагах друг от друга: «на первом свидании» – 15%; «через неделю» – 19%; «через три месяца» – 2%.

И только, как будто, дифференцирующим эту аудиторию явилось отношение к участию в «групповом» сексе (swinning): 53% считают его «грязным занятием»; 20% «пробовали, но не хотят повторения»; 26% при случае «участвуют в нем»; 1% «практикуют его постоянно».

Наш промежуточный вывод таков: обобщение отечественных данных и зарубежных литературных источников показывает – не все так беспросветно в приватном мире женщины, как заявлено теоретиками феминизма и их критиками. Женщина со второй половины XX столетия стала свободнее, раскрепощеннее по сравнению с недавним прошлым, но это лишь первые шаги. Обретение искомого лица – путь сложный, противоречивый и до сих пор не до конца проясненный.

Сексуальная эмансипация женщин, будучи явлением многогранным, раскрепостила ее биологическую потенцию, способствовала эротической открытости, раскованности, однако оказалась не в состоянии разрешить экзистенциальную проблему любви – сферу, где наиболее пронзительно высвечивается гендерное своеобразие агента. «Женщины всегда играли роль «других», теней, поныне выполняющих «теневую работу», - замечает одна из немецких теоретиков феминизма. – Они составляли предмет мужских страхов и мужских вожделений. Они пугали мужчин в облике ведьмы и шлюхи, они восхищали его в образе матери, хранительницы домашнего очага и в образе «святой» [22].

Модернизация семьи и прокреативного поведения. Стабилизация семьи тесно связана с ее прокреативным потенциалом. Как справедливо подметил А.Г.Вишневский, на семью и ее репродуктивную функцию можно смотреть с позиций прошлого или будущего. Так, А.И. Антонов твердо стоит обеими ногами на позиции прошлого, ностальгирует по поводу «сладкого» минувшего века. В отличие от него А.Г. Вишневский признает противоречивость XX века, который отмечен «огромными достижениями», соседствующими с огромными «провалами». На одной чаше весов – «успешное <...> включение в общемировой процесс демографического перехода, на другой – необычная инверсия его основных этапов, череда демографических катастроф, в результате которых падение рождаемости опережало снижение смертности» [23].

Общий враг, по мысли Антонова с соавтором, борцов с низкой рождаемостью – феминизм. «Активизация антиэкзистенциальных настроений и ценностных ориентаций, размах феминистского движения в мире на фоне сохранения всеобщего предрассудка об «угрозе перенаселенности» будет и далее сопровождаться безразличием к упадку института семьи» [6].

Эти специалисты с маниловской убежденностью призывают к гуманной просемейной политике, «светлой» по целям и по средствам их достижения». Они рассчитывают на изменение иерархии человеческих потребностей, повышение семейного образа жизни с детьми в системе жизненных приоритетов». По их представлениям, «основным средством принятия людьми целей укрепления семьи с детьми как личных целей, становится путь гармонического сочетания роста уровня жизни и расширения символов социального престижа личности с обзаведением семьей и рождением детей» [6].

В пику этим утверждениям, считаю, что сочетание двух эмансипаторских движений – ослабление зависимости детей от родителей и

жены от мужа – содействует формированию нового – постсовременного типа семьи.

Супруги, по замечанию английского социолога Э. Гидденса, стали рассматриваться как *сотрудники* в совместном эмоциональном предприятии, и это приобрело даже более важное значение, чем их обязательства по отношению к детям. «Дом» стал местом, где агент мог получить эмоциональную поддержку по контрасту с инструментальным характером рабочей среды [24].

Представленный тип семьи назван мною «супружеским». В этой семье стратегические отношения определяются не родством (как в «патриархальной»), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, акцентируемый как важный элемент постмодернистской семьи.

Супружеская семья – своеобразная кооперация с уникальными возможностями для отхода от зависимых отношений и раскрытия всесторонней деятельной палитры по всем структурным каналам: «муж-жена», «родители-дети», «супруги-родственники», «дети-прародители». Словом, в границах одного семейного типа возникают богатые и многослойные отношения между полами и поколениями, открывается широкое пространство для самореализации каждого из агентов.

Супружество (*conjugal*ity) – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями. Особо подчеркну неинституциональный характер отношений, симметричность прав и, что не менее важно, асимметрию ролей мужа и жены. И то и другое указывает на исторически недавнее происхождение указанного феномена. Принципы, лежащие в основе супружества, могли реализоваться в полной мере как следствие глобальных социальных сдвигов, сопровождавшихся *индивидуализацией*

мужчин (расширения избирательности, рост интернальной ответственности и автономии от социальных институтов) и распространение этих свойств на женщин, что, разумеется, было бы невозможно без приобретения ими экономических и гражданских прав и свобод.

И еще одно уточнение. О каких имманентных супружеству ценностях я веду речь? Говоря общо – это «адаптационный синдром», «интимность» и «автономия». В другом месте мне уже доводилось подробно их представлять [25].

Зарождение в России XIX века института «ухаживания» предопределило новую семейную стратегию. Коль скоро выбор – основа личности (Б.Ф. Поршнев), то совместное проживание мужа и жены в условиях раз и навсегда закрепленных экспектаций, статусов и ролей требует адаптации их индивидуальных планов, образов и практик относительно друг друга. И действительно, судя по моему эмпирическому материалу, существует семь адаптационных ниш: духовная, психологическая, сексуальная, информационная, родственная, культурная и бытовая. Эти ниши имеют подвижную иерархизированную структуру, сдвиги в ней не в последнюю очередь предопределяются фазой развития индивидуальной семьи (стадийный разрез).

Следующая, вскользь уже упоминавшаяся ценность супружества, непосредственно фокусирующая окраску эротики, – *интимность*. В отечественной научной литературе понятие «интимность» нередко употребляется в качестве эвфемизма сексуальности. Это, несомненно, прямое наследие вековой традиции, идущей от христианской морали, которая в наиболее аскетичных формах (гностицизм) относилась к плотскому откровенно враждебно.

Для более прозрачного и объемного понимания обозначенной ценности, воспроизведу в тезисной форме «откровения», позаимствованные мною из отчетов финнов о трансформации сексуального поведения их

соотечественников. Финские социологи, в частности, пишут: «Кроме экономической независимости и свободы в целом на женское сексуальное раскрепощение повлиял и тот факт, что сегодня их сексуальная инициатива всецело приемлема. Право женщин брать на себя инициативу завоевано ими в течение последних 20 лет. Лишь часть женщин *старшего возраста* выступают против. Мужчины <...> приняли это женское право еще 20 лет назад» [26]. И другая новация – углубление интимизации от поколения к поколению – оказала даже большее влияние на эротическую активность, нежели гендерное раскрепощение. «Увеличение числа успешных сексуальных взаимоотношений за последние 20 лет (речь идет об интервале между опросами, проведенными авторами в 1971 и 1992 гг. – С.Г.) сопровождается, – по словам тех же исследователей, – ростом числа связей параллельных постоянным. Доля мужчин, состоящих в постоянных отношениях, при этом вовлеченных в параллельные, возросла с 24% до 44%, у женщин – с 9% до 19%» [26]. В нашей стране, по сути, аналогичные финским эмпирические закономерности зафиксированы за более короткий срок с 1980 по 1990-е годы [27]. В частности, произошел всплеск супружеской (попутно и внесупружеской) эротической раскованности и открытой заинтересованности в достижении взаимоприемлемого психосоматического наслаждения. При этом интенсификация гедонизма достигается, несомненно, как за счет повышения инициативности женщин, так и благодаря росту морального релятивизма и толерантности, свойственного молодым поколениям конца 20-го столетия.

Несколько слов об особой роли третьей ценности супружества – *автономии*. Описанные выше ценности – «адаптационный синдром» и «интимность» на разных этапах трансформации индивидуальной семьи не просто сосуществуют, а составляют единую структуру, объединяющую супругов по внешним поведенческим контурам и по внутриличностным (экзистенциальным) каналам, образуя тем самым два остова,

стабилизирующих брак до поры до времени. Иными словами, до определенного момента совместного проживания мужчин и женщин то или иное сочетание адаптационных и интимных компонентов способствует созданию атмосферы их эмоционального взаимоприятия. Вместе с тем на определенной стадии трансформации семьи в отношениях супругов начинает ощущаться напряжение. Как говорят французы «Chacun a son gout» (На всех не угодишь). Назревающий конфликт может быть разрешен, по-видимому, двумя независимыми путями. Первый – развод и потенциальный повторный брак (remarriage), второй – «задействование» контрастирующей, отвечающей за развитие института ценности – *автономии*. Автономия выражается в том, что интересы каждого из супругов становятся разнообразнее семейных, а потребности и круг общения мужа и жены выходят за пределы брака; их экспрессивные устремления в «постмодерной» семье опираются не столько на обычаи (как в «патриархальной») и традиции (как в «детоцентристской») семье, сколько на гендерные психосоматические особенности агента, поколенческие нравственные образцы, цивилизационные представления о пристойности и эстетический идеал. В конечном счете автономия не является стопроцентной гарантией сохранения «первичного» брака, ибо по природе этот институт становится эвентуальным.

Российский эмпирический (и статистический) материал, проанализированный, в первую очередь, в гендерном и поколенческом ракурсах, и аналогичные сюжетные линии, заимствованные из опросов, проведенных в других европейских странах (Франции, Финляндии, Германии, Швеции), обнаружили мозаичный и плюральный эротический ландшафт [31]. В этой связи нельзя не задаться и вопросом: в состоянии ли институт брака выступать, как это было на протяжении многих столетий, *монополистом* в регулировании сексуальных практик и прокреационной деятельности? Полагаю, пора отбросить лицемерие и твердо сказать – нет. Проясняя эту мысль, сошлюсь на два явления, зафиксированные в

индустриальных странах за последние десятилетия, иллюстрирующие радикальную трансформацию всего пространства matrimониальности. В частности, речь пойдет о динамике «сожительства» (cohabit) и рождаемости у родителей, официально не зарегистрировавших свои сексуальные, направленные на детовоспроизводство, отношения.

По свидетельству французского социодемографа Л. Руссея, обобщившего статистические показатели по пяти странам (Дания, Франция, Голландия, Швеция и США), массовое распространение фактических, но не оформленных браков начинается с середины 1970-х годов. Наиболее показательны в этом смысле кривые по Швеции и Франции. В первой из них – среди мужчин 25-29 лет в 1975 году сожительствовали 21%, к 1985 году доля такой практики возросла до 31%; во второй – та же возрастная когорта: у мужчин в течение 10 лет – от 3 до 17%, у женщин – от 2 до 11% [32].

Репрезентативный опрос, проведенный в 1996 и 1999 годах в трех регионах Европейской России (Ивановская область, города Екатеринбург и Пермь), указывает на распространенность незарегистрированных браков. По данным 1996 года, в фактических браках состояли 14% женщин в возрасте 20-24 лет, а по результатам последующего опроса – 17,4%. Относительно общего числа женщин, состоящих в браке в том же возрасте, доля тех, кто живет в незарегистрированных союзах, оказалась еще более впечатляющей – 22% в первом случае и 30% во втором [33].

Рост доли «внебрачной» рождаемости в общем объеме рождаемости начался в нашей стране со второй половины 1980-х годов и происходил нарастающими темпами вплоть до 1999 года (с 12 до 28%). Единственная категория родившихся, продолжающая увеличиваться в абсолютных размерах с 1993 года, – это рождение детей, зарегистрированных по совместному заявлению отца и матери, которые не имели свидетельства о заключении брака (к 2001 г. их доля достигала 47,6%). Иначе говоря, не заключившие по каким-либо соображениям официального союза мужчины и

женщина идут на сознательное зачатие ребенка и, мало того, не скрывают (вопреки идеалам иудео-христианской морали) его рождения, производя по обоюдному согласию, запись в государственном учреждении. Россия, как по уровню внебрачной рождаемости, так и по темпам ее роста занимает срединное положение в ряду экономически развитых стран.

Вместе с тем, категорически отрицать регулируемую роль института брака в эротике и прокреации также нет оснований. Наряду с ним высветился новый агент – *личность* с ее непременным атрибутом – избирательностью. Мужчины и женщины, избегая публичности в оформлении (религиозного или светского) брака, вовсе не склонны отказываться от официального признания ребенка. Отсюда и «дерегуляция» – столкновение интересов социального института (брака) и агента. Одно дело, когда все действия заранее предписаны – господствуют обычаи или традиции; другое – когда решение о вступлении в сексуальную связь здесь и сейчас должен принимать сам человек, сообразуясь со всей совокупностью обстоятельств и таких нравственных понятий, как «долг» и «свобода», а подчас под влиянием неосознаваемых импульсов и переполняющих его страстей.

Каким же видится в описанных условиях возможность смягчить противоречия между самоценным (и полифункциональным) эросом и сексуальностью, акцентированной на прокреацию?

В прошлом все, за редким исключением, мужчины и женщины вступали в брак. К примеру, вероятность того, что немец или немка в конце XX века хотя бы один раз в жизни вступят в брак, составляла 60% против 90% сорок лет назад [31]. Стремилась люди к этому, вероятно в ожидании удовлетворения наиважнейших потребностей. Эвдемонизм всегда был в их числе, но счастье в браке рассматривалось, по крайней мере, теоретически, как вторичное по отношению к приоритетной потребности – *деторождению*. Относительно любви ожидалось, что она придаст рутинной повседневности определенную теплоту. Реально же отношения между мужем и женою, как

правило, не выливались в страсть, скорее в заботу, ставшую традицией или, в лучшем случае, имитирующую нежность. Сексуальность занимала, очевидно, достаточную нишу (особенно у мужчин), но без интимности и необузданных чувств.

К концу минувшего века для большинства молодого европейского населения (в том числе, разумеется, российского) порядок приоритетов стал иным. Прежде всего, каждый из супругов ждет от брака того, что «не заложено» в его природе как социальном институте – эротике (вплоть до «романтической» любви) [35] и счастья, то есть личностной самореализации, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не *первоочередной* нужды (поэтому в модернистской семье оно откладывается на более поздний срок). Отсюда и невозможно представить себе совмещение: полного «слияния» в любви и признания эротической автономии для каждого из супругов; долг друг перед другом и свободу расторжения союза; непререкаемый авторитет одного из партнеров и их эгалитарность; взаимное поощрение профессиональных амбиций и готовность к выстраиванию собственных индивидуальных биографий – все это не может функционировать в традиционной моногамии.

Отсюда не кажется противоречивым предположение некоторых специалистов о модернистском пути трансформации демографических процессов, созвучных изменениям, происходящим с институтом семьи в целом. «К этой перспективе можно относиться по-разному, – пишут авторы «Демографической модернизации в России 1900-2000», – но одно ясно: маловероятно, чтобы ее удалось избежать. Поэтому сейчас европейские, американские или российские стратеги должны думать не о том, как было бы хорошо, если бы удалось повернуть историю вспять, а о том, как с наименьшими потерями и с наибольшей пользой для себя действовать в тех нелегких условиях, какие предложит – и уже предлагает – реальная жизнь. Сегодня тернистый путь вперед – это развитие в условиях низкой

рождаемости, нулевого, а еще более вероятно, отрицательного естественного прироста и постоянного значительного притока мигрантов» [24]. Вот таков практический результат модернизации семьи и прокреативной деятельности в индустриальном мире вообще и в нашей стране в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый демографический доклад/ Отв. ред. *Вишневский А.Г.* М.: Наука, 2006. 35 с.
2. *Антонов А.И., Борисов В.А.* Кризис семьи и пути его преодоления. М., 1992.
3. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Под ред. *Вишневского А.Г.* М., 1992; *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 271 с.

4. Кризис семьи и депопуляция в России («круглый стол») // Социол. исслед. 1999. № 11. . С. 50-57.
5. *Рассел Б.* Брак и мораль / Пер. с англ. *Дубровина Ю.* М.: Крафт+, 2004. С. 84, 153.
6. *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. М., 2000. С. 126, 252, 282, 380.
7. *Сартр Ж.-П.* Размышления о еврейском вопросе // Нева. 1999. № 7-8. С. 150-159.
8. *Лосев А.* Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393-599.
9. См.: *Голод С.И.* Современная семья: мачизм, феминизм, трибадизм // Человек. 2006. № 6. С. 69-81.
10. *Straus M.A., Gellers R.J., Stenmet S.K.* Behind Closed Doors. Violence in the American Family. NY, 1980. P.46; *Шестаков Д.А.* Супружеское убийство как общественная проблема. СПб., 1992.
11. *Плутарх.* Сочинения / Пер. с древнегреч., сост. *Аверинцев С.С.*; вступит.статья А.Ф. Лосева. М.: Худ. лит-ра. 1983. С. 351.
12. См., напр.: *Антонов А.И.* Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 270 с.
13. Мне посчастливилось на протяжении пяти-шести лет читать студентам 5-го курса социологического факультета СПбГУ лекции по «Социологии семьи». В этом курсе наряду с такими корифеями по социологии и социальной антропологии, как Льюис Морган, Максим Ковалевский, Фредерик Ле Пле, Бронислав Малиновский, Питирим Сорокин, я упоминаю и Фридриха Энгельса, по крайней мере, те сюжеты, которые, с моей точки зрения, заслуживают того.
14. *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. С. 282.
15. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек/ Пер. с англ. *Левина М.Б.* М.: АСТ «Ермак», 2005. С. 484-485.

16. Бек У. Общество риска: На пути у другому модерну / Пер. с нем. М., 2000. С. 143.
17. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету. М., 1969. С. 34, 39.
18. Архангельский В.Н, Антонова О.И., Никитина С.Ю. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» // Вопросы статистики. 2006. № 10, С. 3. Кстати, аналогичные ориентации были подмечены в Украине в конце XX века: Медина Т. Сексуальная функция молодой украинской семьи: Социологический аспект // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. № 2. С. 78-90.
19. Описанный здесь идеал российских женщин, последовательниц «феминистического» образа жизни, напоминает в принципе ценностные ориентации их западных подруг. Действительно, опубликованная в 1990-х годах книга английской писательницы Хелены Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», свидетельствует о несомненном распространении идей феминизма в Великобритании и США. Бриджит можно считать «типичным представителем» своего поколения. Эта независимая жительница Лондона и специалист в области телевидения начинает большинство записей в дневнике с указанием своего веса – вездесущая статистика установила, что точно так же поступают три миллиона людей во всем мире, в том числе японцы, словенцы и финны.
Новый роман Х.Филдинг «Бриджет Джонс: На краю сознания» посвящен «всем остальным Бриджит», которые с энтузиазмом восприняли подобное отождествление. От английских читательниц потребовалась определенная доля смелости: не каждая современная женщина готова признаться в том, что она, как и героиня романа – убежденная противница брака, не доверяет тем, кто якобы счастлив в семейной жизни и тайно сохнет по Тони Блэру – «первому премьер-министру, которого можно представить в качестве партнера для секса без принуждения». Можно заключить, что в современную эпоху происходит радикальная трансформация природы

- брака и матримониального поведения. См. об этом: *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ.
20. Более подробно по поводу различных сценариев адюльтера см.: *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. С. 206-210.
 21. См. об этом подробнее: Нелегитимные молодежные сексуальные стандарты // *Человек.* 2002. № 5. С. 140-149.
 22. *Мильтманн-Вендель Ж.* И сотворил Бог мужчину и женщину (Феминистская теология и человеческая идентичность) // *Вопросы философии.* 1991. № 3. С. 96.
 23. Демографическая модернизация России 1900-2000 / Под ред. *Вишневого А. М.*: Новое изд-во. 2006. С. 549-550.
 24. *Антонов А., Сорокин С.* Указ. работа. С. 126.
 25. Там же. С. 352.
 26. *Giddens A.* The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford Univ.Press, 1992. P. 26.
 27. См.: *Голод С.И.* Стабильность семьи: Социологический и демографический аспект. Л.: Наука, 1984. 136 с.
 28. *Kontula O., Haavio-Mannila E.* Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971-1992. Dartmouth: Aldershot, 1995. P. 209.
 29. Ibid. P. 209.
 30. Такая интенсивность процесса в России, вероятно, объяснима разными стартами преобразования в сексуальной сфере.
 31. Признание плюральности эротического ландшафта вовсе не означает безоговорочного принятия всех его форм. Я имею в виду, в частности, так называемую «гомосексуальную» семью. Даже ее сторонники, например, В.В. Солодников, заявляют, «что отношение к гомосексуальности по сей день даже среди профессионалов остается неоднозначным» <...> С одной стороны, существует различие психотерапевтические подходы <...>,

направленные на *изменение половой ориентации гомосексуалов*. (курсив автора монографии – С.Г.). Их последователи обычно считают гомосексуальность несовместимой со счастливой жизнью». <...> С другой стороны, в США и ряде европейских стран издаются специальные журналы и проводятся исследования из прямо противоположных постулатов <...>. Российские опросы общественного мнения об отношении к *сексуальным меньшинствам* (разрядка автора монографии – С.Г.) свидетельствует, что все большее количество россиян начинают выражать озабоченность по этому поводу» (Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб.: Директ, 2007. С. 202-203). Высказывая свое отношение к тому или иному явлению, требует неперемного определения предмета анализа. С моей точки зрения, брак – это исторически разнообразные механизмы социальной регуляции (табу, обычаи, традиции, религия, право, нравственность) *сексуальных отношений между мужчиной и женщиной* (курсив мой – С.Г.), направленные на поддержание непрерывности жизни. Поэтому большинство специалистов, как будто бы, признают два положения: 1) социальную регуляцию сексуальных отношений между мужчиной и женщиной; 2) направленность этой деятельности на деторождение. Таким образом, брак – это социальный институт, регулирующий деторождение; а сексуальность – это волеизъявление индивида, которое сводится в лучшем случае к компаньонству.

32. *Roussel L. La Famille incertaine. Paris. Editions Odibe Jacob., 1989. S. 1-8.* А вот и другое свидетельство. «Среди сегодняшней молодежи, – замечает американский социолог В. Саймон, – произошел сдвиг от брака к сожителству. Во многих случаях их сверстники и родители знают об этом. У меня такое чувство, если кто-то говорит: «Давай пойдем вечером в кино», то им все равно, пойти в кино или остаться дома и заняться

- сексом». Саймон В. Желание – это нечеткая матрица // Сексология и сексопатология. 2003. № 5 С. 45.
33. Население России 2001: Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. *Вишневский А.Г.* М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 32.
34. *Schmidt A.* Lassen sich aus dem kulturellen Wandel von Sexualitt und Familie in den westelichen Gesellschaften Tendenzen der zuknftigen Entwicklung in der Volksrepublik China ableiten? // *Leitschrift für Sexualfosschung.* 2002. N 1. S. 43-57.
35. Надо иметь в виду, что следовать традициям и правилам романтизма (т.е. любви внебрачной, жертвенной и манифестируемой) могут немногие, но мечтать о нем может каждый обыватель, подпитывая воображение романами, фильмами, телевидением, интернетом, конструирующими светлые пятна в жизни актора, в реальности ограниченной кухней, супружеской спальней, детской, офисом и могилой.
36. Демографическая модернизация в России 1900-2000 / Под ред. *Вишневского А.Г.* М.: Новое изд-во, 2006. С. 549-550.